

ИСТОРИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: Асатрян Г.С.
© Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1 (43)

HISTORY OF ISLAM
Person in charge of the section: Asatryan G.S.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2020. Vol. 11,
№ 1 (43)

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-47-57

УДК 28: 394.4:
94(470.57)

Содержание статьи

Информация о статье

*Ф.Г. Галиева*¹

Введение
Почему ислам, а не православие?
Расселение «инородцев» с
мусульманами как фактор
исламизации
Общие механизмы исламизации и ее
последствия
Выводы 55

Поступила в редакцию: 12.12.2019.
Передана на рецензию: 19.12.2019.
Получена рецензия: 10.01.2020.
Принята в номер: 05.03.2020.

Исламизация «язычников» Башкирии в конце XIX – начале XX века²

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; afg18@mail.ru

В статье проанализированы общие закономерности исламизации тюркоязычных чувашей, а также финно-угорских народов – марийцев и удмуртов Башкирии, в условиях православной политики России. В дополнение к наблюдениям других исследователей раскрыты причины этого явления, обусловленные многовековым симбиозом финно-угорско-тюркских традиций в Волго-Уральском регионе и благоприятной хозяйственной деятельностью «язычников» на башкирских землях, рассмотрены архивные документы по исламизации марийцев через межэтнические браки. Показано, что Духовное управление мусульман (1788), действовавшее под контролем государства, сдерживало процесс официального признания неофитов. На полевых материалах и музейных коллекциях представлено влияние ислама на этнические культуры народов, в том числе сохранивших «языческие» верования, что связано с заимствованием мусульманских обрядовых традиций, изменениями в интерьере домов.

Ключевые слова: *ислам, исламизация, марийцы, удмурты, чувашки.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-47-57

UDC 28: 394.4: 94(470.57)

Content of the article

Information about the article

*F.G. Galieva*³

Introduction.
Why Islam and not Orthodoxy?
Settlement of foreigners with
Muslims as a factor of
Islamization.
General mechanisms of
Islamization and its consequences.
Conclusion.

Received: 12.12.2019.
Submitted for review: 19.12.2019.
Review received: 10.01.2020.
Accepted for publication: 05.03.2020.

¹ *Фарида Габдулхаевна Галиева* – д. филол. н., канд. ист. наук, доцент, зав. отделом этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

² Исследование выполнено в рамках государственного задания № ААА-А18-118041290047-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2020 г.

³ *Farida Gabdul Khaevna Galieva* – Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), head of Ethnography Department at the Institute of Ethnological Research, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences.

Islamization of Heathens of Bashkiria in the Late 19th – Early 20th Century⁴

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research – a separate subdivision of the Federal state budgetary research institution Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; afg18@mail.ru

The article studies the general patterns of Islamization of the Turkic-speaking Chuvash people, as well as the Finno-Ugric peoples – the Mari and Udmurts of Bashkiria – in the context of the Orthodox policy of the Russian state. In addition to observations of other researchers, the author gives her reasons for this phenomenon. They are centuries-old symbiosis of Finno-Ugric-Turkic traditions in the Volga-Ural region and a successful economic activity of heathens in the Bashkir lands. Archival documents on the Islamization of Mari people through inter-ethnic marriages are considered. It is shown that the Spiritual Administration of Muslims (1788), which operated under the control of the state, restrained the process of official recognition of neophytes. Field materials and museum collections show the influence of Islam on ethnic cultures of peoples, including those who preserved pagan beliefs. That influence manifested in borrowing Muslim ritual traditions and changes in the interior of houses.

Keywords: *Islam, Islamization, Mari, Udmurts, Chuvash.*

Введение

Проникновение ислама в Башкирию (Уфимскую губернию) стало результатом существования в XIII–XV вв. единого тюркского этнокультурного пространства, охватившего Волжскую Булгарию, Среднюю и Переднюю Азию, где изучаемый регион являлся северной окраиной и предметом пристального внимания мусульманских миссионеров из Булгар, Бухары, Коконда, Багдада [1, с. 497]. Следствием принятия башкирами ислама стала консолидация многочисленных башкирских родов и племен, формирование башкирского этноса и башкирской культуры.

Усиление роли ислама на территории Башкирии связано с переселением значительной части татар из покоренной Иваном Грозным Казани (1552) и Казанского ханства. На башкирские земли они, как и представители других этносов – черемис (марийцев), вотяков (удмуртов), чувашей, бежали от насильственной христианизации и заселили всю западную часть Южного Урала (Приуралье) и часть Зауралья. Христианская религия воспринималась указанными народами как чуждая их укладу жизни, а также как тяжелая повинность, сопровождаемая произволом и поборами церковнослужителей. Это стало главной причиной переселения народов на территорию Башкирии в XVII–XVIII вв., особенно в 20–60-е годы XVIII в. [7, с. 181–182]. Решались и другие проблемы переселенцев: малоземелье и усиление феодальной власти на прежней родине, побег от преследований за участие в крестьянских войнах и восстаниях.

По историческим документам в XVI–XVIII вв. ислам регулировал морально-этические и правовые нормы башкирского общества. Официальное признание этой религии последовало в результате «политики сотрудничества» Екатерины II и учреждения в 1788 г. по ее повелению органа управления делами российских мусульман – Оренбургского Магометанского Духовного собрания (ОМДС) с центром в Уфе. Однако в Духовное собрание имамы не избирались, их назначали после проверки кандидатов на лояльность царскому престолу. По российскому законодательству XV–XIX вв. только Православная церковь имела право убеждать подданных к принятию

⁴ The research was carried out as part of state assignment № ААААА 18-118041290047-7 of IER, UFRC, RAS for 2020.

«истинной» веры, категорически запрещалась пропаганда ислама (Указ 1593 г. Ивана Грозного; Соборное Уложение 1649 г., Указ 1729 г. и др.). Вместе с тем в отдаленной от центра Российского государства Башкирии переселенцы, оказавшись в тюркской (мусульманской) среде, вовлекались в орбиту исламизации, хотя некоторая часть стала православными христианами.

Актуальность исследования обусловлена огромным интересом всего мира к исламу, его влиянием на современную политическую, экономическую, этнокультурную ситуацию [17]. Исторический экскурс во времена, когда ислам принимали целыми селениями, несмотря на политику государства, может объяснить своеобразием современной этноконфессиональной ситуации в регионе и мире, связанной с усилением интереса народов к мусульманской религии.

Целью статьи является определение причин, закономерностей и последствий исламизации марийцев (черемис), удмуртов (вотяков) и чувашей Башкирии в конце XIX – начале XX в., в период наибольшей активности. Источниками для анализа послужили материалы Национального архива Республики Башкортостан (дела ОМДС), сведения об исламизации марийцев (Т.Л. Молотова), удмуртов (Р.Р. Садиков), чувашей (Е.А. Ягафова, И.Г. Петров), наблюдения путешественников и ученых (посетившего черемис в 1896 г. П. Ерусланова, финского исследователя нач. XX в. Уно Хольмберг, полевые дневники чл.-корр. РАН Раиля Кузеева 1950-х гг., полевые материалы последних лет автора и др.).

Этноконфессиональная ситуация в изучаемое время характеризовалась относительным балансом между исламским (башкиры, татары) и православным (русские) сообществами. В 1897 г., когда Первая Всероссийская перепись фиксировала этничность по языку, для 38,2 % жителей Уфимской губернии родным языком был русский, 40,7 % – башкирский, 8,4 % – татарский. Изучаемые народы были представлены следующим образом: 2,8 % – с родным чувашским языком (60,6 тыс. чел.), 3,6 % – черемисским (80,6 тыс. чел.), 1,0 % – вотякским (22,5 тыс. чел.). Территориально значительная часть изучаемых народов была расселена в Белебеевском (31,4 тыс. чувашей, 7,4 тыс. марийцев) и Бирском (66,3 тыс. марийцев, 21,2 тыс. удмуртов) уездах Уфимской губернии [10].

Почему ислам, а не православие?

Условно выделим девять причин, объясняющих, почему значительная часть марийцев, удмуртов и чувашей Башкирии приняла ислам, а не православие. Некоторые из причин ранее отмечались исследователями на примере отдельных народов, другие определены автором.

Во-первых, и это важно подчеркнуть, еще в ранне-булгарское время (VIII–X вв.) в Волго-Уральском регионе сложилась финно-угорско-тюркская этногенетическая и этнокультурная общность, послужившая одним из важных ареалообразующих и консолидирующих факторов. Как писал Р.Г. Кузеев, население, еще не отягощенное догматами и стереотипами православия и ислама, в зонах активных контактов легко воспринимало и абсорбировало традиции соседних племен, в результате чего формировалась общность языков и культур [4, с. 43]. Опыт финно-угорско-тюркского взаимодействия был продолжен в период расцвета Волжской Булгарии (XI – первая треть XIII вв.), Золотой Орды (XIII–XV вв.) и Казанского ханства (XV–XVI вв.) при расширении этнокультурных контактов с мусульманскими центрами Средней Азией [4, с. 101]. В то же время в социально-политической сфере сложилось противостояние Казанского ханства и христианской Руси, что укрепляло мнение о православных русских как противостоящей и даже враждебной силе [4, с. 110].

Многие марийцы, удмурты, чувашы, находившиеся в политической и экономической зависимости от государственных образований, приняли татарскую (во многом мусульманскую) культуру, а также татарский язык, ставший средством межэтнического

общения [12]. Стали привычными билингвизм и полилингвизм, сохранившиеся до наших дней, дополненные в советское время русским языком. По полевым материалам (Илишевский, Давлекановский, Бураевский, Мишкинский р-ны) многие современники владеют несколькими языками (родным, русским и татарским/башкирским). Более того, они поют песни на разных языках и нередко сочиняют трехязычные частушки. Причем порой невозможно определить, на каком из языков они изначально придуманы. В удмуртском селении Ташкичи Илишевского района учащиеся местной школы на празднике «Новый день» (аналог славянской Масленицы) исполняют русскую хороводную игровую песню («А мы просо сеяли»), а также удмуртскую величальную под мелодию широко распространенной татарской песни с запевом «Эх, тала-тала».

Во-вторых, после переселения в Башкирию марийцы, удмурты и чуваши вступили в тесные выгодные хозяйственные отношения с башкирами, близкими к татарам по языку и культуре. Они получили угодья для охоты, рыболовства, лесных промыслов, бортевого пчеловодства [12, с. 38, 116; 11, с. 183], возможность в большом количестве содержать лошадей благодаря вольному выпасу скота [11, с. 39; 14, с. 74], имели плодородные земли, некоторые черемисы – до 98 десятин на ревизскую душу [2, с. 325]. По наблюдениям исследователей края, хотя «язычники» сохраняли традиционные верования, но под влиянием местных мусульман свиней почти не держали, нередко испытывали «презрение к свиньям и свинине» [12, с. 73, 138, 183]. Кстати, эта особенность сохранилась у современных удмуртов Башкортостана, хотя в большинстве случаев они употребляют свинину в пищу.

В-третьих, указанные народы сформировали негативный образ русского православия и в целом русских как следствие насильственной христианизации и налогового гнета со стороны властей на прежней родине, произвола русских чиновников и церковнослужителей в Башкирии. Кроме того, марийцы, удмурты и чуваше заселяли земли на территории Башкортостана, начиная с XVI в., а с появлением многочисленных русских крестьян с XVIII в. произошло резкое сокращение земель для ведения кочевого скотоводства. Это привело к уменьшению поголовья стада ранее расселенных народов, ухудшению социального самочувствия. Неслучайно ряд исследователей фиксировал настороженное и подозрительное отношение «язычников» к русским [14, с. 72], «враждебное отношение ко всему, что так или иначе напоминает русское» [4, с. 327]. По данным У. Хольмберга, у вотяков «от русских тут разве что деньги и водка» [12, с. 72]. Марийцы в священных рощах запрещали говорить по-русски [6, с. 140].

В-четвертых, о чем писали Т.Л. Молотова и Е.А. Ягафова, татары «языческими» народами характеризовались как открытые и дружелюбные, мусульманские священнослужители – как дипломатичные, ненавязчивые, с хорошим религиозным воспитанием. Пропаганда ислама осуществлялась не специально, а в процессе общения с татарскими купцами, ремесленниками и т. п., на знакомом татарском языке [6, с. 140, 142]. Русские проповедники не владели языком «инородцев», а последние не знали русского.

В-пятых, как отмечают Е.А. Ягафова [16, с. 36–51] и Р.Р. Садиков [13], переход в ислам позволял решать социально-экономические задачи путем приобщения к торгово-ремесленному сообществу татар. Поднимался социальный статус «диких идолопоклонников», как их часто указывали в документах [8]. Решалась проблема «религиозных шатаний», связанных с кризисом «язычества» на рубеже XIX и XX вв. Смена идентичности на башкирскую после принятия ислама освобождала от двойного налогообложения, действовавшего на припущенников, открывала возможности пользоваться другими привилегиями башкир. Как показало изучение архивных документов, такую возможность использовали марийцы и удмурты; чуваше, как правило, приписывались к татарским мусульманским приходам. Неофитам со стороны

мусульман оказывалась финансовая и коммерческая поддержка, раздавались тюбетейки, куски ткани для пошива одежды и т. п., муллы помогали детям «инородцев» получить образование, обеспечивали их питанием.

В-шестых, по мнению автора, причиной привлекательности ислама стало формирование в Башкирии региональной модели ислама, отличающейся возможностью сохранения доисламских верований и обрядов. Марийцы, удмурты, чувашы посещали праздники и обряды татар и башкир, в том числе Сабантуй, Джиен, Карга-туй [6, с. 237], которые имели доисламские корни, но были популярны у мусульман. Принятие ислама башкирами не стало причиной отказа от традиционной культуры, а напротив, позволяло сохранять и развивать культурные ценности этноса, формировавшиеся веками.

В-седьмых, по нашим наблюдениям, возможность воспроизводства и развития новых обычаев появилась благодаря формированию широких ареалов расселения исламизированных «язычников» в Волго-Уральском регионе, включая Уфимскую, Казанскую, Пермскую, Самарскую и другие губернии.

В-восьмых, приобщение к исламской цивилизации позволяло преодолеть изолированность народов, что было актуальным требованием времени. Малочисленные этносы преодолевали вызовы времени путем консолидации с большинством населения (башкирами и татарами), также страдающим от произвола русского правительства.

В-девятых, ислам позволял приобщиться к достижениям экономики, образования, науки и культуры исламского мира [4; 18]. Мечети в то время были образовательными, культурными и этноконсолидирующими центрами с высококласными священнослужителями, просветителями, общественными деятелями. Ислам как самая молодая религия обладал мощным культурологическим потенциалом.

Таким образом, принятие ислама осуществлялось как по внутренним убеждениям, так и с целью получения выгоды. Конкурирующее с мусульманскими миссионерами православное духовенство отправляло к «инородцам» своих священников, усиливало пастырский надзор, открывало приходы и школы, строило церкви. «Совратители» в ислам арестовывались и отправлялись в Сибирь, в тюрьмы [16]. Происходила христианизация части «язычников» (с последующим обрусением), но она нередко носила формальный характер.

Расселение «инородцев» с мусульманами как фактор исламизации

В конце XIX в. в результате активной миграции народов и увеличения рождаемости в Башкирии резко повысилась плотность населения, стала характерной чересполосица поселений разных народов, усиливалась полиэтнизация селений. Архивные документы и научные исследования свидетельствуют о случаях принятия ислама «инородцами» и последующей смене этнической идентичности, прежде всего в селениях по соседству с башкирами и татарами. Такие примеры привел Р.Р. Садиков на примере удмуртской, ставшей башкирской деревни Гарибашево Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Татышлинского р-на Башкортостана) [13, с. 33] и ряде других селений [14]. Е.А. Ягафова и И.Г. Петров выявили случаи перехода чувашей в ислам также в условиях соседства с татарами, причем в конце XIX в. не только «язычников», но и крещеных чувашей. В Уфимской губернии и те, и другие на рубеже XIX и XX вв. принимали ислам целыми деревнями [11; 13; 16]. В фонде Духовного управления мусульман Национального архива Республики Башкортостан немало дел о принятии ислама черемисами [8, оп. 3, д. 11167 и др.].

По мнению автора, в хронологических рамках исследования черемисские дела в указанном архивном фонде – самые многочисленные, причем инициированные женщинами. С одной стороны, это объясняется численным превосходством марийского населения губернии по сравнению с удмуртским и чувашским. С другой стороны, это может расцениваться как черта этнического характера – смелость и целеустремленность женщин, что очевидно из изложенных ниже примеров.

Черемиска А. Суерметева из д. Малых Шидов Уфимского уезда и губернии в январе 1887 г. решила обмануть власти. Она обратилась к властям с прошением разрешить заключить брак с башкиром Ш. Мухамедовым. Проблема в том, что отец весной 1881 г. якобы насильно выдал ее замуж за черемиса из другой деревни, не проведя венчания. Она сбежала от нежеланного мужа к башкиру и родила ребенка. В ходе проверки оказалось, что брак с черемисом в свое время был оформлен должным образом, указан в Метрической книге, за девушку отдан калым в размере 40 руб., в новый дом она отправлена с приданым. Поэтому в прошении девушке было отказано [8, оп. 3, д. 11 822].

Одно из дел ОМДС объединило прошение сразу четырех «черемисских идолопоклонниц», проживавших в д. Акборисовой Белебеевского уезда, – А. Кунакбаевой, в д. Бабиковой Уфимского уезда – Г. Ишдавлетовой, в д. Акбулатовой Бирского уезда – С. Файрутдиновой и вдове из д. Шырлык Стерлитамакского уезда А. Яликеевой. Все они просили разрешения вступить в брак по магометанскому обряду с башкирами (называются имена). Первые две женщины и вдова – с выходцами из своих уездов, третья – с женихом из Уфимского уезда [8, оп. 3, д. 1190]. Важное замечание секретаря судебного органа: в своей деятельности они руководствовались «разъяснением» министра внутренних дел к губернатору от 11 августа 1881 г. за № 3861 о возможности заключения брака язычников с башкирами в случае принятия ислама [Там же].

Башкиры нередко соседствовали с чувашами и относились к ним как к родственному тюркоязычному народу. Более того, по полевым материалам Р.Г. Кузеева башкиры ряда селений (д. Тюбетеево Альшеевского р-на, д. Большой Шарип Мелеузовского р-на, д. Баимово Абзелиловского р-на и др.) имели родовое подразделение (ара) «Суаш», а также «Татар», «Мишар», «Казах», «Киргиз» и пр., в связи с тем, что брали в жены или в мужья представителей указанных этносов. По фольклорным материалам Р.Г. Кузеева другой причиной возникновения некровнородственных родовых объединений стало то, что якобы когда-то башкиры находили брошенных детей из числа чувашей, татар и т. д., воспитывали их как своих, они становились основателями нового ара [5, 1957, л. 132; 1958, 1958, ч. 1, л. 8; ч. 2, л. 77]. Так объясняется процесс вливания в состав башкир представителей иноэтнических групп.

Чуваши по фамилии Имашевы в середине XX в. числились в 12 домах башкирской деревни Азнаево Миякинского района. По легенде, во время Пугачевской войны местные башкиры нашли ребенка чуваша, поэтому сначала его звали Табулды, т. е. «найденный», потом Суаш. Р.Г. Кузеев пишет: «Но теперь они башкиры [5, 1957, л. 100]», то есть стали мусульманами и сменили этническую идентичность. В то же время вплоть до середины XX в. сохранялось обособленное расселение (разные концы селения) башкирского рода Суаш от других родовых подразделений башкир [5, 1957, л. 105–106; 1958, ч. 2, л. 76].

Марийцы проживали по соседству с башкирами. В районном центре Караидель Р.Г. Кузеев работал с информатором. Он рассказал легенду о том, как марийцы приняли ислам благодаря походу во Владикавказ, где «настоящая вера», и стали башкирами: «Мы – марийцы, настоящий марийский род. Дальше Челябинска жил царь марийцев. Он восседал как Тенгри. Наши предки марийцы в лесах охотились на львов, медведей. Пошли к царю марийцев. Он сказал: «Моя вера неопределённая, я неверный. Я грязный человек. Вы идите на Владикавказ, там настоящая вера». Поэтому мы отстали от мари и приняли ислам. Царь марийцев сказал: «Вы стали вожаками самых хищных зверей: львов, медведей, волков, всех животных, поэтому будьте башкирами». Потом наши предки марийцы пошли в сторону Владикавказа, и вернулись оттуда, приняв исламскую веру» [5, 1957, л. 15]. В д. Алыи Аскинского района Р.Г. Кузеев изучил башкир – потомков

марийцев, принявших ислам и перешедших на башкирский язык, но живущих с башкирами в разных концах селения [5, л. 9].

Не всегда расселение с мусульманами приводило к смене религиозной идентичности. По Р.Г. Кузееву, в середине XX в. в д. Ачкыч Аскинского района проживали мари и башкиры, при этом «одежда, язык одинаковые, но кладбище, религия различные» [5, 1956, л. 12]. В наши дни мирно уживаются в одном селении представители разных этносов и конфессий (удмуртские села Асавтамак Бураевского, Максимово Янаульского р-нов РБ и др.).

Таким образом, исламизация марийцев, удмуртов, чувашей стала следствием внешних (пропаганда мусульманских миссионеров) и внутренних (татаро-башкирское окружение, переселение в Башкирию значительной части татар-мусульман) факторов.

Общие механизмы исламизации и ее последствия

Вначале ислам приняла правящая верхушка и влиятельные люди; вероятно, по такой схеме исламизация проходила в разных социальных реалиях, в том числе в Золотой орде, Булгарском государстве (по теории В.Н. Татищева, Б.Д. Грекова, А.П. Смирнова), в среде башкир (раньше всего в западной части Башкирии) [1]. П. Ерусланов писал, что от исполнения языческих обрядов уклоняются именно «зажиточные, везде более приверженные магометанству» черемисы» [2, с. 327]. Р.Р. Садиков аналогичный вывод делает на примере закамских удмуртов [13], Е.А. Ягафова – чувашей [16]. Именно зажиточные и социальноактивные люди могли ходатайствовать перед властями об открытии мусульманских объектов, вкладывать деньги в строительство мечетей и медресе, приглашать татарских мулл для проведения богослужений и обучения детей.

Большое значение в деле исламизации язычников имела деятельность мусульманских миссионеров, вначале из числа татар, затем самих марийцев, удмуртов и чувашей, хотя это могло проходить и параллельно. Нередко после принятия ислама авторитетный житель села передавал свои убеждения сыновьям, и те становились агитаторами за принятие мусульманской веры.

Принятие ислама простыми членами общины часто происходило тайно из-за политики государства по христианизации населения. Легализация осуществлялась путем обращения в судебные органы, находившиеся в ведении ОМДС. Согласно материалам этой структуры, условиями принятия ислама были добровольность, отсутствие факта «сращения» в ислам язычников мусульманскими проповедниками, способность убедить власти через письменные обращения и аргументы. После поступления прошения уполномоченное лицо проверяло подлинность представленных сведений, опрашивая жителей селения, и далеко не всегда выносило положительное решение. Убедительным считалось тайное принятие ислама еще предками просящего, отказ от традиционных верований, давнее соблюдение мусульманских обычаев и предписаний. Для женщин с 1880-х годов по решению местных властей открывалась возможность перехода в ислам при заключении брака с мусульманином – башкиром или татаринном.

Принявшие ислам поначалу приписывались к мечетям соседних башкирских и татарских селений. Со временем сельчане открывали свой приход и по разрешению губернского правления возводили мечеть. Их действия становились примером для других селений. Например, вслед за д. Гарибашево Татышлинского района аналогичные процессы наблюдались в с. Верхние Татышлы Татышлинского, д. Янаул Аскинского районов и др. [13].

В научной литературе ранее не было отмечено влияние на процесс исламизации существенного увеличения мечетей и мусульманских кладбищ еще на рубеже XVIII и XIX в., прежде всего в районах компактного расселения изучаемых народов. По

статистическим данным, в Белебеевском и Бирском уездах Оренбургской губернии (куда входила Башкирия) значилось по 225 мечетей, а в Уфимском – всего 60, Стерлитамакском – 78, Верхнеуральском (с компактным башкирским населением) – 162, Бузулукском – 1. Самое большое количество Мусульманских кладбищ значилось в Белебеевском и Бирском уездах соответственно 335 и 453, в Уфимском – 60, Стерлитамакском – 156, Верхнеуральском – 162, Бузулукском – 1 [15, с. 122]. В совокупности количество мечетей в Белебеевском и Бирском уездах составляло 35,5 % к общей численности в губернии, мусульманских кладбищ – 48,1 %. Открытие мечетей и основание мусульманских кладбищ относилось к ведению местных властей, а не центра, обсуждалось на заседаниях Духовного управления мусульман. Так сложилось, что марийцы, удмурты, чувашки оказались в уездах, где были сконцентрированы мусульманские объекты.

Последствия исламизации изучены относительно языковых особенностей марийцев, удмуртов и чувашей, лексика которых восприняла **не только татарские этнические, но и мусульманские (арабские, персидские) слова: переметь, хорам, Эстел, Осмола** (Беси́ла), вытеснив **традиционные понятия: вучукташ (обещать жертву), шуараг (колдовать) и др.** [6, с. 140; 16, с. 14]. **И даже жрецов у марийцев стали называть по примеру мусульман «моллами» (муллами)** [6, с. 140].

Изменили культуру марийцев, удмуртов, чувашей мусульманские и этнические обрядовые обычаи башкир и татар, о чем на примере черемис писал П. Ерусланов в конце XIX в.: «Керемети совершенно забыты»; обрядовый праздник «ата-пайрам» заменился башкирским «карга-бутха» (грачиная каша); самый главный языческий праздник «кусьо» (общественные жертвоприношения) называется по-магометански «курбан-байрам» и приурочивается к магометанскому празднику «курбан», продолжается всего один день, в то время как у остальных марийцев «кусьо» проводится на протяжении от одной до трех недель. По-магометански черемисы проводят погребальные обряды: несут покойника на кладбище на руках, хоронят без гроба, в могилах делают боковую нишу, приглашают муллу или грамотных татар для чтения Корана [2, с. 326].

Наблюдения П. Ерусланова отчасти можно отнести к современным народам, причем не только исламизированным, но и сохранившим традиционные верования. У удмуртов в ряде селений сложилась широтная ориентация могил – головой на запад или восток, сформировался обычай делать могильную нишу *ляхэт* (д. Давлеканово Бураевского р-на), во время молитв обращаться в сторону Киблы (там же), носить покойника на кладбище на носилках, сменяя друг друга (д. Асавтамак Бураевского р-на и д. Шавьяды Балтачского р-на) [14, с. 145]. У марийцев также зафиксирован обычай ставить тело в *ляхет* (д. Нарат-Чукур Бакалинского р-на) [14, с. 63].

По примеру татар-мусульман у марийцев, удмуртов и чувашей появились и до наших дней сохранились обычаи соблюдения чистоты тела и одежды, особенно при проведении ритуалов, запрет ругаться во время ритуалов, почитание пятницы; гостевание совершается именно в этот день.

На национальный костюм ислам не оказал значительного влияния. Такой вывод возникает в процессе наблюдений и анализа коллекций Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований УФИЦ РАН с многочисленными предметами марийцев, удмуртов и чувашей. Здесь очевидно проникновение этнических, а не конфессиональных традиций башкир и татар, в результате чего сложились одинаковые элементы кроя, украшения, вплоть до заимствования названий (головные уборы *такия, тастар* марийцев, нагрудники *яга, муьенса* у марийцев, *хакал* у чувашей и др.). Украшения изучаемых народов до сих пор представляют собой яркие шумяще-звенящие изделия с кораллами, серебряными монетами, раковинами-каури, бисером, бляшками.

Под влиянием тюркских соседей – татар и башкир – изменилась планировка жилого пространства марийцев, удмуртов и чувашей. Появилась занавеска, разделяющая помещение на мужскую и женскую половины. По тюркскому обычаю почетное место заняли подушки ярких расцветок, разноцветные паласы, а также жестяные сундуки и кумганы, ставшие популярными с принятием ислама, изображения мечетей, изречения из Корана на стенах, намазлыки из войлока и ткани, вышитые и с аппликацией.

Декоративно-прикладное искусство сохранило традиции, но у мусульман получило новые смыслы. Например, цветочно-растительный орнамент стал ассоциироваться с райским садом [9]. Это в очередной раз свидетельствует о том, что принятие ислама не разрушало этнические традиции, а обогащало их.

Выводы

Исламизация «языческих» народов Башкирии имела общие закономерности. Активными темпами она протекала вследствие многовекового взаимодействия с тюркскими этносами (татарами и башкирами), формирования общей культуры и языковых особенностей, добрососедства в Башкирии. Еще в период Казанского ханства в среде «язычников» формировался позитивный образ мусульман и негативный образ русских православных, который укреплялся в ходе насильственной христианизации и других событий. Ислам импонировал «язычникам», поскольку позволял приобщиться к достижениям экономики, образования, науки и культуры исламского мира. Региональная модель ислама в Башкирии показывала возможность совмещения мусульманских и традиционных верований. Воспроизводству новых обычаев способствовало функционирование этноконфессиональных групп марийцев, удмуртов и чувашей, расселенных в Башкирии и на сопредельных территориях Урало-Поволжья.

Общие механизмы принятия ислама «язычниками» сводились к тому, что влиятельные члены общества, а затем и остальные, заимствовали татарские и башкирские элементы культуры, меняли имена и фамилии на тюркские, осваивали престижный татарский язык, стремились стать мусульманами, а затем башкирами или татарами. Для тюркоязычных чувашей освоение родственного языка и культуры может показаться закономерным. Но на примере финно-угорских народов – марийцев и удмуртов – очевидно, что определяющими факторами в процессе исламизации оказываются общность исторических судеб, многовековая этнотерриториальная общность.

Духовное управление мусульман имело право официально признать статус неофита, однако для этого требовались веские основания и свидетельские показания, проверялось отсутствие вмешательства со стороны мусульманских проповедников. Это сдерживало узаконивание неофитов, но не могло остановить исламизации и ее влияния на этнические культуры. Ислам оказал влияние на языковые особенности народов, обрядовые обычаи не только исламизированных этносов, что закономерно, но и сохранивших традиционные верования («язычество»), привел к изменениям в интерьере домов, обогатил декоративно-прикладное искусство новыми идеями и смыслами.

Ислам имел большое значение в процессе консолидации многочисленных башкирских родов и племен, формирования общности «башкирский народ» и башкирской культуры. К началу XX в. ислам консолидировал башкир, татар, марийцев, удмуртов, чувашей для преодоления вызовов времени. Окончательный переход в ислам «язычников» был приостановлен Октябрьской революцией и политикой атеизации, проводимой советской властью. Постсоветское время характеризуется возрождением «языческих» верований среди ряда народов Башкортостана. Одновременно усиливается

интерес к исламу, что может стать причиной перехода в ислам новых выходцев из марийцев, удмуртов и чувашей.

Литература

1. Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. – М.: Наука, 2017. – 662 с. (Сер.: Народы и культуры).
2. *Ерусланов П.* Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. – 1896. – № 2–3. – С. 324–329.
3. Ислам и исламоведение в современной России. Сб. докладов Всероссийского исламоведческого форума / под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 474 с.
4. *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 347 с.
5. *Кузеев Р.Г.* Полевые дневники 1955, 1956, 1958 гг. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. – Ф. 116. – Оп. 1.
6. *Молотова Т.Л.* Ислам в культуре и истории марийцев // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 7 июня 2012 г. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 137–155.
7. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – 2-е изд., доп. / гл. ред. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Гилем, 2002. – 504 с.
8. Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 295: Оренбургское духовное магOMETанского закона собрание. Уфимское духовное магOMETанского закона собрание.
9. *Нечвалода Е.Е.* Влияние ислама на традиционное искусство башкир // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 235–246.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитета м-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. – [СПб.], 1899–1905. 45: Уфимская губерния. Тетр. 1. – 1901. 186 с.; Тетр. 6. – 1905. – 60 с.; Тетр. 7. – 1905. – 38 с.
11. *Петров И.Г.* Чуваша // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. – М.: Перо, 2018. – С. 177–212.
12. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / под ред. С. Лаллукки, Т.Г. Миннихметовой, Р.Р. Садикова. – СПб.: Европейский дом, 2014. – 224 с.
13. *Садиков Р.Р.* «Прежде же хотя и были язычниками, но ныне Магометанского вероисповедания»: к вопросу о принятии ислама закамскими удмуртами // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 2 (84). – С. 32–38.
14. *Садиков Р.Р.* Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). – Уфа: ООО «Первая типография», 2016. – 276 с.
15. *Юнусова А.Б., Абсалямов Ю.М.* Российское государство и ислам: история и перспективы сотрудничества // Ислам и государство в России. – Уфа, 2013. – С. 121–126.
16. *Ягафова Е.А.* Чуваша-мусульмане в XVIII – начале XXI в. – Самара: ПГСГА, 2009. – 128 с.
17. *Яхьяев М.Я.* Источники и причины многовекторности развития ислама // Ислам и исламоведение в современной России. Сб. докладов Всероссийского исламоведческого форума. – Махачкала, 2019. – С. 3–9.

References

1. *The Bashkirs* / Editors-in-chief R.G. Kuzeev, E.S. Danilko. Moscow. Nauka, 2017.- 662 pp. (Peoples and Cultures Series). (in Russian)

2. Yeruslanov P. A Brief Report on the Trip to the Cheremis of the Ufa Province in the Summer of 1896. *Ethnographic Review*. 1896, № 2–3. – Pp. 324–329. (in Russian)
3. *Islam and Islamic Studies in Contemporary Russia. Proceedings of the All-Russian Islamic Studies Forum* / Edited. by Prof. M.Ya. Yahyaev. Makhachkala: ALEF, 2019. 474 pp. (in Russian)
4. Kuzeev R.G. *The Peoples of the Middle-Volga and Southern-Urals Regions: an Ethnogenetic View of History*. Moscow. Nauka, 1992. – 347 pp. (in Russian)
5. Kuzeev R.G. Field Diaries 1955, 1956, 1958. *Scientific archive of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences*. – F. 116. – Op. 1. (in Russian)
6. Molotova T.L. Islam in the Culture and History of the Mari. *Sociological studies of interethnic and interfaith relations. Proceedings of the Interregional scientific-practical conference on June 7, 2012*. Yoshkar-Ola, 2013. – pp. 137–155. (in Russian)
7. *The Peoples of Bashkortostan: Historical and Ethnographic Essays*. 2nd ed., Ext. / Editor-in-chief R.G. Kuzeev. Ufa: Gilem, 2002. – 504 pp. (in Russian)
8. *The National Archive of the Republic of Bashkortostan*. – F. 295: Orenburg spiritual Mohammedan law assembly. Ufa spiritual Mohammedan law collection. (in Russian)
9. Nechvaloda E.E. The Influence of Islam on the Traditional Art of the Bashkirs. *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2018. V. 14, № 3. pp. 235–246. (in Russian)
10. *The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897* / Ed. Centre. Stat. Committee of the Ministry of Internal Affairs; ed. by N.A. Troitsky. - [St. Petersburg], 1899–1905. 45: Ufa province. Tetra. 1. – 1901.186 pp.; Tetra. 6. - 1905. - 60 p.; Tetra. 7. – 1905. – 38 p. (in Russian)
11. Petrov I.G. The Chuvash. *Ethnicities and cultures in a single family of Bashkortostan*. Moscow. Perot, 2018. pp. 177–212. (in Russian)
12. *Travel to the Udmurts and Mari. Letters by Uno Holmberg 1911 and 1913* / ed. by S. Lallucci, T.G. Minniyakhmetova, R.R. Sadikova. – St. Petersburg: European House, 2014. 224 pp. (in Russian)
13. Sadikov R.R. “Although They Were Pagans Before, They Now Practice Mohammedanism”: On the Issue of Adoption of Islam by Trans-Kama Udmurts. *Problems of Oriental Studies*. 2019, № 2 (84). pp. 32–38. (in Russian)
14. Sadikov R.R. *Finno-Ugric Peoples of the Republic of Bashkortostan (History, Culture, Demography)*. Ufa. LLC First Publishing House, 2016. 276 pp. (in Russian)
15. Yunusova A.B., Absalyamov Yu.M. The Russian State and Islam: History and Prospects of Cooperation. *Islam and State in Russia*. Ufa, 2013. pp. 121–126. (in Russian)
16. Yagafova E.A. *Muslim Chuvash in the 18th - Early 21st Centuries*. Samara: PSGGA, 2009. 128 pp. (in Russian)
17. Yakhyaev M.Ya. Sources and Causes of the Multi-vector Development of Islam. *Islam and Islamic studies in modern Russia. Proceedings of the All-Russian Islamic Forum*. Makhachkala, 2019. pp. 3–9. (in Russian)